

- 4 Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1999. 559 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2-х т. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. 544 с.
6. Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Больная Россия: Избранное. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 267 с.
7. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-пресс, 1996. 736 с.
8. Там же.
9. Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910-1914; невоенный дневник. 1914-1916 / Сост. предисл. Е. Г. Домагацкой. М.: Аграф, 2001. 512 с.
10. Басинский П. Хам уходящий: «Грядущий хам» Д. С. Мережковского в свете нашего опыта / Новый мир. 1996. № 11. С. 212-228.
11. Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Больная Россия: Избранное. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 267 с.

*Людмила Евгеньевна КОВАЛЕВА —
соискатель кафедры философии*

УДК 004

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИЯХ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме культурной политики, анализу существующих определений культурной политики с точки зрения западноевропейского и российского подходов.

The clause is devoted to analyze of cultural policy definitions from European and Russian point of view.

С переходом человечества к постиндустриальному обществу проблемы культуры и культурной политики становятся все более актуальными. Культура из отдельной сферы человеческой деятельности постепенно превращается в ресурс развития всего общества. В связи с этим обостряется проблема внятного формулирования культурной политики на различных уровнях власти от государственного до локального. Современная культурная политика предполагает наличие концептуальных оснований. Концептуализация культурной политики возможна только при внимательном изучении различных подходов к проблеме, в частности, европейских и отечественных культурологов.

Европейскую точку зрения на проблему культурной политики отличает прагматизм, основанный на опыте почти сорокалетнего сотрудничества европейских государств в области культуры. «...прагматизм привел к появлению некоторых консенсусов, которые стали общими критериями» [1]. Успешные многолетние исследования в сфере практической реализации культурной политики, осуществленные Советом Европы, позволили обобщить результаты и выработать теоретические обоснования культурной политики. [2]

Попытка концептуального анализа западноевропейского подхода предпринята, в частности, Л. Востряковым, который подробно рассмотрел несколько трактовок понятия «культурная политика», предложенных ведущими европейскими теоретиками в области культурной политики. «Одно из первых определений этого термина было дано на круглом столе ЮНЕСКО в 1967 г. в Монако. В докладе «Политика в сфере культуры — предварительные соображения» под политикой в сфере культуры было решено понимать «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и проце-

дур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». [3] Исследователь выделяет три подхода, характерных для европейской культурологической школы: целевой, институциональный и ресурсный. Кроме этого, часто применяется комплексный управленческий подход, объединяющий три вышеназванных. [3] Целевой подход, в частности, отличает позицию сербской исследовательницы М. Драгичевич-Шешич. Культурная политика — это «сознательное регулирование в области культуры при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом». [4] Такая трактовка, отмечает Л. Востряков, позволяет рассматривать культурную политику в контексте социальных целей, которые и составляют ее суть, а не в контексте приоритетов, что наиболее характерно для российских специалистов. [1]

Точка зрения Д. Тросби базируется на признании двойственной природы культуры, которая, с одной стороны, есть система ценностей и норм, с другой — совокупность специфичных видов деятельности и продуктов этой деятельности. Тросби пытается соединить культурную политику и политическую деятельность в единое целое, вводя понятие «квази-антропологического компонента», включающего деятельность правительства, и «квази-экономического компонента», который обозначает культурное производство и потребление. Эти два компонента составляют суть культурной политики. По мнению Л. Вострякова, заслуга Тросби состоит в попытке рассмотреть культурную политику в зависимости от ее ключевых субъектов, что позволяет перевести ее из понятийной плоскости в пространство практического приложения.

Э. Гросжан считает, что преобладание в течение ряда лет имплицитного, а не теоретического подхода к пониманию культурной политики и культуры, в значительной степени повлияло на отношение к культуре и культурной политике как к дополнительному и необязательному фактору человеческого существования, потребность в котором возникает только при наличии благоприятных экономических условий. Важно то, что Э. Гросжан в своем определении культурной политики вводит понятие субъекта и проблему постановки целей культурной политики этим субъектом. Применительно ко всем трем рассмотренным позициям автор указанной статьи выделяет общее для всех трех позиций — констатация вариативности культурной политики. «Культурная политика не может быть унифицирована и зависит от социально-экономической, политической и культурной ситуации в стране». [1]

В качестве примера комплексного подхода Л. Востряков приводит определение культурной политики, данное известными французскими исследователями А. Жераром и Ж. Гентил. «Политика представляет собой систему взаимосвязанных целей, практических задач и средств, выбранных экспертом и направленных на определенную группу в обществе. Культурная политика может осуществляться в рамках объединения, партии, образовательного движения, организации, предприятия, города, правительства. Но независимо от субъекта политики она предполагает существование долгосрочных целей, среднесрочных и измеряемых задач и средств (человеческих ресурсов, финансов и законодательной базы), объединенных в чрезвычайно сложную систему». [3] Предложенная точка зрения увязывает культурную политику с постановкой стратегических целей и задач.

Российский подход к определению культурной политики отличается большая степенью теоретизации, объяснимая, возможно, как раз отсутствием достаточно практического опыта в данной области и спецификой российской действительности. Существует точка зрения (Э. Орлова), согласно которой следует применять термин «социокультурная политика», так как культура в значительной

степени является средством решения острых социальных проблем. Ключевой категорией для понимания культурной политики становится категория «образ жизни». Понятие «культурная политика» включает в себя процессы принятия решения, доведения их до исполнителей и контроль за адекватным исполнением. [5] Последний тезис опровергается наличием противоположной позиции, согласно которой культурная политика, прежде всего — коммуникация, «правильно налаженная процедура обсуждения», направленная на выявление и согласование интересов разнородных групп. Процесс принятия решений не является культурной политикой — это относится к сфере исполнения. [6]

Культурологи В. Розин и И. Жежко предлагают трактовать понятие «культурная политика» в зависимости от объекта политики. Культурная политика — как совокупность приемов управления развитием сферы культуры; объекты культурной политики — профессиональные институты и процессы развития искусства, науки, образования; культурная политика как раздел социальной политики. Объектами ее являются не специализированные области культуры, а процессы, связанные с развитием членов общества, приобщением их к культурному потенциалу, освоению, передаче и развитию культурного потенциала через организацию социального взаимодействия; социальная политика, осуществляемая средствами культуры. В этом случае, по мнению авторов, объектом культурной политики становятся социальные проблемы общества, и тогда вряд ли можно говорить о культурной политике, как специфическом явлении. Хотя речь может идти о развитии инфраструктур культурного развития территорий. Ресурсы культуры рассматриваются в этом случае как один из ресурсов развития общества, их наращивание и размещение подчинены решению социальных задач общества. [5]

Попытки синтезировать теоретический и практический аспекты в определении культурной политики прослеживаются в подходе представителей Школы культурной политики, сформировавшейся в рамках методологического движения, которые предлагают различать, по меньшей мере, четыре трактовки понятия культурной политики. Первая — культурная политика как управление культурной деятельностью и развитием отрасли культуры; вторая — культурная политика как культура политических отношений, третья — культурная политика как набор технологий для производства неких культурных стереотипов и знаков (культуртехника). Четвертое понимание культурной политики охватывает гораздо более широкий спектр человеческой жизнедеятельности, поскольку касается внутренних установок и ценностей человека, влияющих на остальные сферы его жизни. Культурная политика в этом смысле возникает в момент исчезновения «экономического человека» [7], то есть тогда, когда материальные интересы перестают выступать в качестве главного стимула человеческого существования. В ситуации, когда человек освобождается от материальной зависимости и возникает ресурс свободного времени, индивидуальные потребности становятся настолько различными, что возникает необходимость в регулировании и согласовании разнообразных векторов человеческого развития. «Творческий человек», появление которого зафиксировал О. Тоффлер [8], а В. Иноземцев сделал главным персонажем наступающей постэкономической эпохи [9], не нуждается в принуждении и не поддается принуждению. «Можно заставить человека нечто делать, но нельзя его заставить хотеть это делать. В этом смысле его нельзя заставить творить. Творить он всегда будет сам. Всегда будет принимать некое самостоятельное автономное решение в границах тех норм, представлений и смыслов, которые ему соответствуют». [11]

В такой ситуации инструментом согласования и регулирования различных позиций и ценностных установок становится культурная политика, возникает

потребность в культурной политике. И поскольку культура, как набор определенных ценностей, пронизывает все стороны человеческой жизни, культурная политика, регулирующая взаимодействие этих индивидуализированных норм и ценностей, может рассматриваться как универсальная человеческая практика. Особый тип проектной деятельности, вытекающий из понимания специфики природы человека [7]

Проектность культурной политики, в свою очередь, определяется тем, что она исходит из неких ценностей и идеалов, не существующих в действительности, но определяющих характер и цели деятельности. Таким образом, суть культурной политики с точки зрения методологической школы, заключается в создании пространства для формирования новых смыслов, ценностей, новых рамок поведения. Культурная политика, с одной стороны, имеет дело с индивидуальными пространствами, «макрокосмами» по Шпенглеру [10], вместе с тем она формирует некое общее пространство, в котором индивидуальные ценности приобретают всеобщий характер, точнее — происходит объединение индивидуальных культурных смыслов и ценностей в той части, где они совпадают с ценностями и убеждениями других людей. Иными словами, в основе культурной политики лежат процессы самоопределения и смыслообразования. Культурная политика может формировать новое пространство самоопределения, задавая новые рамки, в которых возможны поиски новых позиций — масок (так называемая «рамочная» культурная политика), она также может формировать новые содержательные единицы (маски) в уже имеющемся пространстве. Таковую культурную политику П. Щедровицкий называет «ядерной культурной политикой». [7] Таким образом, задается концептуальный уровень понятия «культурная политика». Предложенный Школой культурной политики подход, в отличие от прочих, позволяет рассуждать в границах субъектно-объектных отношений, что особенно важно, учитывая увеличение количества разнородных субъектов культурной политики в одном культурном поле.

Рассмотрев несколько определений культурной политики, становится очевидным, что каждый из авторов пытается совместить многозначность понимания культуры как философской категории и как вида практической деятельности. Как справедливо отмечает Л. Востряков, «...существует принципиальное различие между тем, как культурная политика определяется на теоретико-методологическом уровне, и тем, как она определяется на уровне конкретных управленческих решений. Это не только разные понятийные, но даже разные предметные области. ... уровень теоретических обобщений открывает новые концептуальные возможности и позволяет формулировать новые стратегические цели, в то время как «управленческие» определения, содержащие в большей степени тактические составляющие, отвечают на вопрос как, с кем и с помощью каких ресурсов культурная политика может быть реализована». [3] Представляется особенно важным акцентировать внимание на этом моменте. Как показывает опыт, игнорирование концептуальных смыслов приводит к существенным расхождениям в выборе объектов, целей, средств и методов реализации культурной политики, и в конечном итоге — к серьезным последствиям в социальных взаимоотношениях внутри общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материальная база сферы культуры. Науч.-информ. сборник. Вып. 1. М.: изд. РГБ, 2000. С. 40-72
2. Grosjain E. Forty years of cultural co-operation at the Council of Europe. Strasburg, 1997
3. Л. Е. Востряков. Культурная политика: концепции, понятия, модели: // [электронный ресурс] метод доступа: <http://www.spolicy.ru/analytics/80.html> (дата цит. 10. 11. 2006)

4. Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск: Тигра, 2000. С. 26
5. Теоретические основания культурной политики. М., 1993. С. 48-49, 44
6. Культура: политика модернизации. Псков, Пушкинские Горы, 1999. С. 33
7. Щедровицкий П. Гуманитарно-технологическая перспектива, или Эпоха культурной политики // [электронный ресурс] метод доступа: <http://www.shkr.ru/lib/publications/46> (дата цит. 10. 11. 2006)
8. Toffler A. The third wave. Pan books, 1980. P. 397
9. Иноземцев В. За пределами экономического общества. М.: Academia- Наука, 1998. С. 495
10. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. С. 325
11. Щедровицкий П. Не проектируйте будущее за других: беседа // Эксперт. 1998. № 45 (30 ноября)

*Егор Сергеевич ВАЖЕНИН —
аспирант кафедры философии*

УДК 140.8

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. В данной статье мировоззрение рассматривается через его отношение к восприятию, мышлению и языку. При изучении подобных феноменов основной акцент делается на необходимости перехода от «понятия» к «метафоре», т. е. на применении методов эстетической антропологии.

The present article deals with the description of the weltanschauung through its relations with perception, thought and language. The major idea of the article is the necessarily changing of using concepts to metaphors in researching same kind phenomenon, that is, necessarily using aesthetic anthropology methods.

Мировоззрение является многогранным и интересным феноменом. В настоящей статье формируется представление о мировоззрении с трех различных перспектив, путем рассмотрения его с трех позиций: восприятия, мышления и языка.

Рассмотрение мировоззрения как участника когнитивного процесса необходимо начать с проблемы восприятия.

Обратимся к кантовскому вопросу: «Мы видим вещи такими, какие они есть, или такими, какими они нам являются?». Следуя логике великого философа, присоединимся ко второму варианту — мы видим не сами вещи, но их явления, поскольку другой ответ может потребовать от нас признания творческого бессилия человека. Действительно, как возможно творчество, если есть лишь слепое копирование окружающего мира? Откуда в человеке взяться таинственной способности создавать то, чего раньше не было, чего нет в природе, иными словами, способности творить?

Осмысление проблематики обусловленности и предзаданности восприятия имеет богатую философскую традицию. Однако наиболее показательным, на наш взгляд, является *finite a la comedy*, парадоксальный результат крестового похода к «истинному бытию» и «истинному смыслу», предпринятого в начале XX в. в философии, науке и искусстве. Продираясь к вещам «на самом деле» через обусловленность субъективности, отказываясь от социальных установок и толкований, культура прорвалась в пустоту, найдя антибытие вместо бытия, бессмысленность вместо смысла.